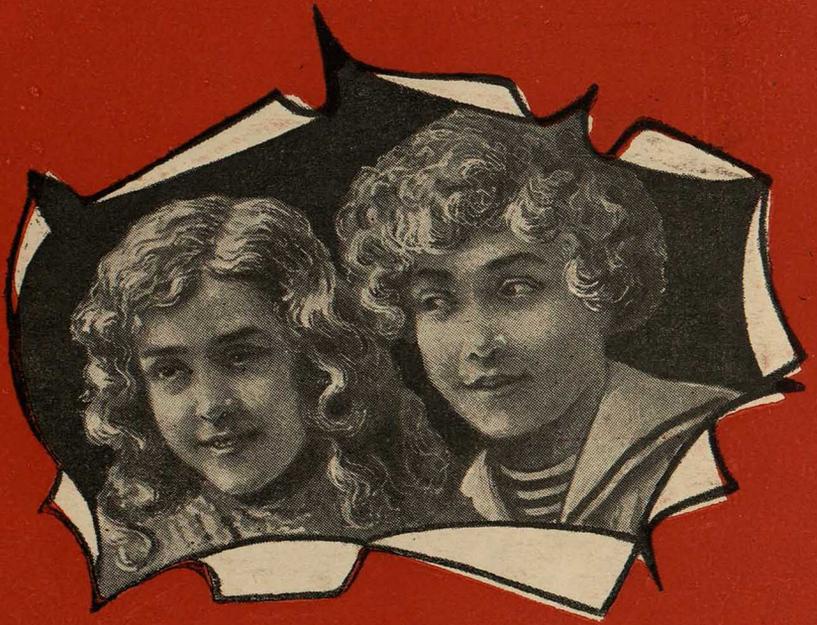

Годъ изданія восьмой

ІЮЛЬ.

№ 18.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СЕМЕРО СПАВШИХЪ.
ЗДѢСЬ И ТАМЪ (стих.).
СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.
ДОЖДЛИВАЯ ПОРА (стих.).
ВЪ ЛѢСНОМЪ ЦАРСТВѢ. (сказка).
ГОЛОВЛОМКИ.
РЕВУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Лодка (для склеиванія).
Доброе утро! (картина).

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Художественно-литературный журналъ для дѣтей
(7—12 ЛѢТЪ)

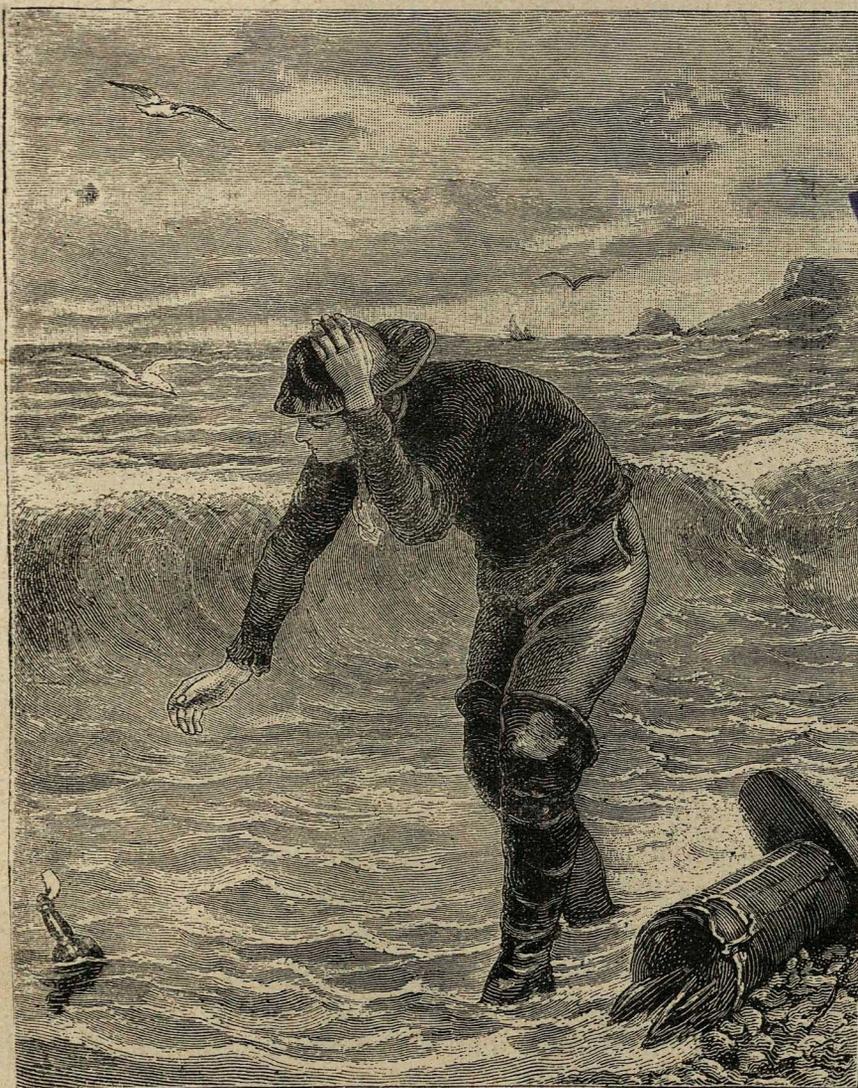
3 р. 80 к.

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

3 р. 80 к.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣс. При каждомъ номерѣ приложенія.
На годъ съ доставкой и пересылкой 3 р. 80 к.

—X ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. X—

— Кто-то ее бросилъ?! —

СЕМЕРО СПАВШИХЪ.

ЛЕГЕНДА.

Это было во второмъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, когда весь міръ еще принадлежалъ язычникамъ и когда ученіе Христа было принято только немногими и исповѣдовывалось тайкомъ. Христіанство тогда признавалось опаснымъ и римскіе императоры не останавливались ни передъ какими жестокостями, чтобы только подавить его окончательно. Христіанъ ловили, жгли на кострахъ, отдавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и подвергали неслыханнымъ мученіямъ, но чѣмъ строже относились къ нимъ императоры, тѣмъ христіанство распространялось все шире и шире и язычество падало все сильнѣе. Его нельзя было поднять уже никакими мѣрами. Въ боговъ уже не вѣрилъ никто, въ языческіе храмы собирались только для вида или по приказанію властей, а вѣра въ единого Бога, кроткаго, милосерднаго, отдавшаго себя на распятіе за грѣхи людей, все болѣе и болѣе находила себѣ откликъ въ сердцахъ и распространялась среди населенія.

И вотъ однажды на главной площади богатаго греческаго города Эфеса раздался пронзительный звукъ трубъ. Испуганные жители бросили все и, несмотря на

уже поздній вечеръ, побѣжали на площадь.

— Императорскіе вѣстники! шептали они на бѣгу.— Они что-то хотятъ объявить! Скорѣе, скорѣе! Какъ-бы не опоздать!..

Полчаса спустя, вся площадь была уже полна народа. Три герольда все еще громко трубили въ трубы, а четвертый стоялъ со свиткомъ въ рукахъ. Когда, по его мнѣнію, народу собралось уже достаточно, онъ сдѣлалъ знакъ трубачамъ, чтобы они перестали, и развернулъ свитокъ.

— Жители города Эфеса! началъ онъ громко читать.— Нашъ великій августѣйшій римскій императоръ повелѣлъ всѣмъ вамъ собраться завтра вечеромъ на торжественное богослуженіе въ храмъ богини Діаны и принести тамъ жертву богамъ. Самъ императоръ будетъ совершать въ качествѣ верховнаго жреца богослуженіе. Кто только осмѣлится изъ васъ ослушаться этого его приказа, тотъ будетъ схваченъ и заточенъ въ тюрьму, а все его имущество отобрано въ казну!

На порогѣ одного изъ домовъ, выходившихъ на площадь, стояли семь молодыхъ людей,— семь родныхъ братьевъ. Они внимательно

слушали приказъ. При послѣднихъ его словахъ лица ихъ смутились. Юноши со страхомъ переглянулись между собой. Всѣ семеро были христіанами.

— Что-же теперь дѣлать? прошепталь самый младшій.— Впрочемъ, я готовъ хоть на страданія!..

Средній провелъ рукою по глазамъ.

— Прощай теперь спокойная, счастливая жизнь!.. проговорилъ онъ.— Прощай, отцовскій домъ!.. Теперь ужъ намъ болѣе никогда не увидѣтъ ни нашихъ полей, ни виноградника, ни друзей!..

— Стыдись! упрекнулъ его самый старшій.— Не будь трусомъ! Развѣ не единому Богу принадлежатъ всѣ виноградники, всѣ поля въ мірѣ и всѣ твои друзья!

Онъ и самъ зналъ, что въ борьбѣ съ христіанами императоръ былъ неумолимъ. Онъ былъ увѣренъ, что ни онъ самъ, ни его братья, не пойдутъ завтра въ храмъ Діаны на языческое богослуженіе и что этимъ навлекутъ на себя всѣ несчастія, какія только можно себѣ представить. Но онъ счелъ своимъ долгомъ успокоить и подбодрить своихъ братьевъ.

— Но вы не бойтесь! сказалъ онъ.— Пока еще есть время,—мы убѣжимъ. Мы не лишимся жизни. Мы еще молоды и она намъ нужна. Бѣжимте же въ горы! Пока еще насъ носятъ ноги, мы всегда найдемъ камни, которые будутъ

служить намъ изголовьями, и зеленъ и коренья, которыми будемъ питаться!

Братья подумали, одобрили это предложеніе. Больше имъ не оставалось ничего.

Хорошо, Фабіанъ, согласились они.— Мы поступимъ такъ, какъ ты говоришь. Ты замѣняешь намъ родного отца и мы должны тебя слушаться. Но если бѣжать, то бѣжимъ всѣ сейчасъ-же. Пусть люди думаютъ, что мы спимъ, а мы тѣмъ временемъ будемъ уже въ горахъ!

Они вошли въ свой домъ заперли его и, сохраняя полное спокойствіе и не желая возбуждать подозрѣнія въ своихъ слугахъ, раздѣлись и улеглись спать. Затѣмъ, когда въ домѣ все успокоилось, они встали, снова одѣлись и тихонько пошли изъ города. На всякій случай они захватили съ собой нѣсколько золотыхъ монетъ.

Отойдя нѣсколько десятковъ шаговъ отъ дома, они остановились, посмотрѣли на него въ послѣдній разъ, вздохнули, отерли слезы и пошли далѣе.

Ночь была темная, кругомъ было тихо и только слышно было, какъ ходили стражники, слѣдившіе за порядкомъ въ городѣ.

— Кто идетъ? вдругъ послышался впереди нихъ окрикъ стражника.

— Прикиньтесь всѣ пьяными! шепнулъ братьямъ Фабіанъ и за-

тѣмъ отвѣтилъ:—Свои, миленькій, свои!

— Кто свои?

— Пьяненькіе, миленькій! Были сейчасъ въ гостяхъ и вотъ никакъ не найдемъ дорогу домой! Гдѣ здѣсь городскія ворота, чтобы намъ выйти изъ города? Мы не здѣшніе, а изъ сосѣдняго селенія!..

— Ахъ, вы гуляки! огрызнулся на нихъ стражникъ.— Ну, идите по этой улицѣ, а потомъ сверните вправо и опять идите прямо. Тамъ будутъ и городскія ворота. Да не забудьте хорошенько проспаться!

Стражникъ пошелъ далѣе дозоромъ. Этого-то имъ и было нужно. Они вышли въ поле и затѣмъ направились къ горамъ. Они шли всю ночь, не останавливаясь ни на одну минуту, очень устали и когда наконецъ взошло солнце и окрасило небо и горы въ розовый цвѣтъ, то они достигли до вершины горы Келіона, нашли тамъ пещеру и расположились въ ней на отдыхъ. Эта пещера должна была теперь служить для нихъ домомъ и замѣнить имъ все то, къ чему они привыкли съ дѣтства. Теперь для нихъ должна была начаться новая жизнь. Вершина горы Келіона была недоступна ни для кого, они взирались на нее только потому, что были хорошими ползунами по скаламъ,—значить, теперь уже они не увидятъ ни одного человека и ни одинъ человекъ не увидитъ ихъ.

Такъ потянулись дни за днями и они стали жить, какъ первобытные люди. Источникъ давалъ имъ свѣжую воду, а земля—траву, на которой они спали, и плоды, которыми они питались.

Самому младшему изъ братьевъ Марку, было всего только девять лѣтъ. Какъ дитя, онъ конечно еще не могъ возбуждать подозрѣній ни въ комъ и потому время отъ времени спускался съ горъ и приходилъ въ городъ. Онъ приносилъ братьямъ новости и хлѣбъ. Онъ сообщилъ имъ однажды, что ихъ домъ отобранъ уже въ казну и что въ немъ живутъ уже чужіе, что много христіанъ поймано и замучено и что самъ императоръ присутствовалъ въ циркѣ, въ которомъ на глазахъ всей публики христіанскія дѣвушки отдавались на растерзаніе звѣрямъ. Слушавшіе его братья горько плакали.

— Господи, сказалъ, наконецъ, средній,—когда же все это кончится? Когда наконецъ христіанство восторжествуетъ? Право, мной уже начинаютъ овладѣвать сомнѣнія! Вѣдь если наша вѣра—правая, если боги — ничто, а Христосъ—все, то почему же насъ такъ преслѣдуетъ императоръ? Почему единый Богъ не устроитъ такъ, чтобы христіанство наконецъ восторжествовало?

— Бодрись! Бодрись! строго сказалъ ему Фабіанъ.— Не будь малодушенъ!

И по мѣрѣ того, какъ тянулась

въ лишеніяхъ и въ уединеніи жизнь братьевъ, они все больше и больше переставали вѣрить въ свои силы и все сильнѣе и настойчивѣе ихъ стало тянуть въ свой родной городъ и къ своему дому, въ которомъ такъ счастливо протекла ихъ юная жизнь. Они стали наконецъ болѣть и роптать на судьбу. Однажды, среди ночи, старшій братъ Фабіанъ подслушалъ слѣдующій разговоръ:

— Бѣжимъ! говорилъ другимъ пяти братьямъ средній братъ.—У меня больше уже не хватаетъ силъ.— Я не могу жить въ такихъ лишеніяхъ! Оставимъ здѣсь Фабіана и Марка однихъ!.. Если-бы вѣра въ Христа была правая, то мы не терпѣли-бы такихъ испытаній!

— Это вѣрно!.. согласились и остальные четыре брата.—У насъ тоже больше не хватаетъ силъ!..

Фабіанъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ своего брата. Онъ упалъ на колѣни и долго молился.

— Ничего, утѣшалъ его маленькій Маркъ,—успокойся!.. Они образумятся и не возвратятся опять къ прежнимъ богамъ. Они все-таки вѣруютъ во Христа!

Но старшій братъ былъ очень обезпокоенъ.

— Господи, научи меня что дѣлать? молился онъ.—Вѣдь если они захотятъ, то уйдутъ обратно въ Эфесъ. Я не въ состояніи буду удержать ихъ здѣсь. Тамъ они оставятъ Тебя и снова примкнутъ къ почитателямъ бездушныхъ бо-

говъ! Я этого не перенесу и сойду съ ума при одной только мысли, что не сумѣлъ ихъ удержать около себя и наставить ихъ на путь слѣдованія Твоимъ заповѣдямъ! Вѣдь я—ихъ старшій братъ, я замѣняю имъ отца—и на мнѣ лежитъ отвѣтственность за ихъ поступки. Господи, великій, многомилостивый Христосъ, я умоляю тебя, спаси моихъ братьевъ отъ побѣга отсюда и отъ возвращенія въ Эфесъ. Удержи всѣхъ насъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока не торжествуетъ наконецъ Твое правое ученіе!..

Онъ плакалъ и молился всю ночь, а его братья спали. Когда же разсвѣло, то онъ отправился добывать для нихъ пищу. Какъ и всегда, онъ набралъ для нихъ ягодъ, фруктовъ и накопалъ кореньевъ и зачерпнулъ воды. Когда онъ принесъ все это къ нимъ въ пещеру, то его братья уже встали. Всѣ пятеро, кромѣ маленькаго Марка,—куда-то собирались и уже укладывали что-то въ свои котомки. Маленькій Маркъ смотрѣлъ то на нихъ, то на Фабіана большими вопросительными глазами. Фабіанъ не подавалъ и вида, что слышалъ ночной разговоръ братьевъ.

— Давайте всѣ вмѣстѣ сейчасъ покушаемъ!.. обратился онъ къ братьямъ,—а потомъ и за работу! Вотъ фрукты, вотъ ягоды, вотъ коренья!.. А вотъ и чистая, холодная вода!..

Братья присѣли къ камню, который служилъ имъ столомъ, поѣли— и вдругъ почувствовали на глазахъ какую-то странную, необыкновенную тяжесть. Всѣхъ ихъ стало клонить ко сну. Они сдѣлали надъ собой усиліе, хотѣли бодриться, но дремота вдругъ сковала всѣ ихъ члены, они повалились тутъ-же на землю, всѣ семеро, и заснули крѣпкимъ непробуднымъ сномъ.

И, какъ говоритъ преданіе, они проспали ровно триста семьдесятъ два года, день въ день, и ни разу не просыпались.

Прошло около четырехъ вѣковъ. Когда-же наступилъ завѣтный день, то братья пробудились рано утромъ, какъ просыпались и всегда, и потому имъ даже и въ голову не пришло, что они могли проспать такъ долго. Точно они легли только вчера вечеромъ и проснулись нынче съ восходомъ солнца. Не подозрѣвая ничего, они встали, потянулись и размяли члены. Затѣмъ они умылись и помолились Богу. Вокругъ нихъ за все это время не измѣнилось ровно ничего. Какъ было около четырехсотъ лѣтъ тому назадъ, такъ оставалось и теперь. Солнце ярко освѣщало горы и горизонтъ, щебетали птицы, все такъ-же пышно и душисто расцвѣтали кругомъ цвѣты.

— Ну-съ, сказалъ Маркъ, бросая на плечо мѣшокъ.—Теперь надо сходить и въ городъ. Я не былъ тамъ уже десять дней. Воображаю,

сколько тамъ теперь новостей! Принесу вамъ, братья, хлѣба!

И ничего не подозрѣвая, точно ни въ чемъ и ни бывало, онъ отправился въ Эфесъ. Каково же было его удивленіе, когда, подойдя послѣ полуднежнаго пути къ городскимъ воротамъ, онъ увидѣлъ на нихъ крестъ!

— Крестъ на воротахъ!.. воскликнулъ онъ, не вѣря своимъ глазамъ.—Зачѣмъ его сюда поставили? Что-это, изъ уваженія, или для насмѣшки? Вѣдь надъ Христомъ тоже смѣялись, когда Его распинали!..

Но самая мысль о томъ, что императоръ за эти послѣдніе десять дней, пока Маркъ не былъ въ городѣ могъ переимѣнить себѣ вѣру и сдѣлаться ревностнымъ христіаниномъ, показалась ему невѣроятной. Онъ пожалъ плечами и, очень заинтересованный, продолжалъ свой путь, думая, что найдеть всему отгадку, когда вступить въ городъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ уже шелъ по его улицамъ, онъ приходилъ все въ большее и большее недоумѣніе: онъ не распознавалъ уже ни улицъ, ни переулковъ. Одежда на встрѣчныхъ также измѣнилась, но изъ робости Маркъ не рѣшался спросить, въ чемъ дѣло. Не говоря ничего и ни о чемъ не спрашивая, а только безмѣрно удивляясь, онъ подошелъ наконецъ къ паперти одного изъ храмовъ. Онъ оказался отвореннымъ. Маркъ не безъ страха

вошелъ въ него и вдругъ увидаль въ немъ какое-то новое, странное, но красивое богослуженіе. Всѣ присутствовавшіе открыто и не боясь никого и ничего, молились тому самому Христу, котораго чтить онъ самъ и его братья и противъ котораго воздвигъ такіа ужасныя гоненія императоръ.

„Что за диковина“? подумаль мальчикъ.

Онъ вышелъ изъ храма на улицу и оглядѣль его со всѣхъ сторонъ. На храмъ тоже оказался крестъ. Думая, что это привидѣлось ему во снѣ, Маркъ сталъ протирать себѣ глаза.

— Что это со мной? сталъ онъ спрашивать себя въ тревогѣ. — Или я сплю, или же я вовсе не въ Эфесѣ, а гдѣ-то еще! Какъ могъ за такой короткій срокъ измѣниться такой большой городъ? Побѣгу скорѣй къ братьямъ назадъ и сообщу имъ обо всемъ, что произошло!

Но вдругъ попавшаяся ему на глаза булочная напомнила ему, что надо было купить для братьевъ хлѣбъ. Онъ вошелъ въ нее. Толстый булочникъ пытливо оглядѣль его, подивившись на его одежду.

— Дайте мнѣ вотъ этотъ хлѣбъ, обратилъ къ нему мальчикъ.

— А ты, что-же, не здѣшній? обратилъ къ нему булочникъ, подавая ему хлѣбъ. — Ты откуда самъ будешь родомъ? Ты плохо говоришь по нашему!

Марку и самому показалось, что

булочникъ тоже говорилъ какъ-то иначе, не на томъ языкѣ, къ которому Маркъ привыкъ.

— Нѣтъ, я здѣшній... робко отвѣтилъ мальчикъ и протянулъ къ нему золотую монету.

Булочникъ оглядѣль монету со всѣхъ сторонъ и звякнулъ ею о прилавокъ.

— Эти монеты теперь не въ ходу! возразилъ онъ. — Онѣ - не теперешнія! Имъ уже около четырехсотъ лѣтъ! Да ты кладь, что-ли, нашель? Откуда ты ее взялъ?

— Я никакого клада не находилъ! испугался Маркъ. — А если бы и нашель, то тотчасъ-же о немъ объявилъ-бы!

— Ну, такъ, значить, ты ее укралъ!

Мальчикъ покраснѣль, какъ піонъ. Слезы обиды выстушили у него на глазахъ.

— Я—сынъ благороднаго Плавціа, гордо отвѣтилъ онъ, — и не воровалъ никогда. — Всему городу извѣстно имя моего покойнаго отца Плавціа, и всѣ люди уважали его за честность. Неужели ты ничего о немъ не слышалъ? Его домъ на площади, какъ разъ противъ храма Діаны, но онъ теперь перешель въ казну.

— Храма Діаны!.. удивился булочникъ. — Да ты, милый, бредишь! Ты сошелъ съ ума! Храма Діаны не существуетъ уже полтора столѣтъ и онъ погибъ отъ землетрясенія!..

— Отъ землетрясенія?.. испу-

Маленькій матрось.

Въ лѣтній зной.

гался мальчикъ и со страхомъ оглядѣлся по сторонамъ.—Отъ какого землетрясенія?.. Развѣ здѣсь было на этихъ дняхъ землетрясеніе?..

Въ булочной и около нея въ это время собрался народъ. Прислушиваясь къ этому разговору и увидѣвъ мальчика съ растеряннымъ видомъ, въ какой-то странной одеждѣ и дико озиравшагося по сторонамъ, посѣтители стали смѣяться и указывать на него пальцами...

— Это сумасшедшій! Это сумасшедшій! кричали они.

А мальчикъ въ свою очередь плакалъ и отъ обиды кричалъ:—

— Ведите меня сейчасъ-же къ самому императору! Онъ вамъ покажетъ, какъ не принимать денегъ съ его изображеніемъ!

— Глупенькій, обратился кто-то къ Марку,—образумься, что ты говоришь? Да вѣдь уже двѣсти лѣтъ, какъ императоры здѣсь больше не живутъ! Дѣйствительно, когда-то нашъ Эфесъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ римскихъ императоровъ, но со времени Константина Великаго столица перенесена на берегъ Босфора и называется Византіей. Теперь тамъ императоры живутъ всегда!

Тогда, чтобы лучше доказать свою правоту, и желая, чтобы ему повѣрили всѣ, Маркъ рискнулъ на послѣднее, хотя и казавшееся ему опаснымъ средство — онъ раска-

залъ, какъ онъ самъ и его братья, боясь гнѣва императора, бѣжали ночью изъ Эфеса всего только два мѣсяца тому назадъ и какъ скрылись въ пещерѣ на горѣ Келіонъ, потому что ихъ хотѣли принудить поклоняться богамъ, тогда какъ всѣ они уже христіане и не измѣнять Христу никогда!

— Поклоняться богамъ? Всего только два мѣсяца тому назадъ? изумился булочникъ. — Ха-ха-ха! Да ты, мальчикъ, право, сошелъ съ ума!

Всѣ посѣтители тоже громко засмѣялись. Мальчика это задѣло за живое.

— Въ такомъ случаѣ пойдете на Келіонъ всѣ! крикнулъ онъ.— Тамъ теперь ожидаютъ меня мои братья и они объяснятъ вамъ все. А я маленькій, я не могу!

И онъ вышелъ изъ булочной и повернулъ къ горамъ. Заинтересовавшаяся публика толпой повалила за нимъ.

— Пойдемте, пойдете! слышались голоса. — Это интересно! Посмотримъ, что будетъ далѣе!

Скоро толпа стала расти еще больше. Всѣмъ было интересно лично повидать семерыхъ братьевъ, которымъ было около четырёхсотъ лѣтъ и которые за это время нисколько не постарѣли.

Всѣ поднялись на гору Келіонъ, хотя это и было для многихъ непосильно, и увидали шестерыхъ молодыхъ людей, которые мирно ожидали у входа въ пещеру воз-

вращенія изъ города своего младшаго брата. Ихъ лица выражали полнѣйшее спокойствіе. Самый тщательный допросъ властей не могъ ихъ сбить и поколебать въ нихъ вѣру въ то, что они проспали всего только одну ночь, и убѣдить ихъ, что со времени ихъ бѣгства изъ города прошло уже около четырехсотъ лѣтъ. Они удивлялись и отвѣчали то-же, что и Маркъ. Но въ ихъ отвѣтахъ было столько искренности и простоты, что никто изъ пришедшихъ не усомнился въ томъ, что здѣсь было какое-то чудо, какого не было еще никогда.

Власти отправились обратно въ городъ, толпа, какъ и всякая толпа, удовлетворивъ свое любопытство и проголодавшись, отправилась также по домамъ, и братья остались одни. Только старшій братъ Фабіанъ опустился на колѣни и благоговѣнно сложилъ на груди руки.

— Благодарю Тебя, Господи, сказалъ онъ,—что Ты устроилъ все такъ, какъ это произошло. Теперь я могу умереть спокойно. Ты усыпилъ всѣхъ насъ и не далъ моимъ братьямъ отступиться отъ Тебя и отъ Твоей правды. Теперь ужъ они не возвратятся больше въ язычество никогда, а умрутъ христіанами!

И всѣ братья опустились рядомъ съ нимъ на колѣни и тоже горячо молились. Они промолились цѣлый день, не вкушая пищи, а когда насталъ наконецъ вечеръ и кругомъ стемнѣло, то они легли всѣ спать на ту самую сухую траву, на которой проспали безпробудно столько лѣтъ. И они больше уже не просыпались. Они уснули уже вѣчнымъ сномъ и ихъ чистыя, хотя и слабыя души, отлетѣли на небо къ Христу.

Такъ кончается легенда о семи спавшихъ братьяхъ.

Лотосъ.

ЗДѢСЬ и ТАМЪ.

Городской мальчикъ.

— У насъ повсюду мостовыя,
 Нашъ садъ подстриженный стоитъ,
 Вездѣ у насъ городовые,
 И электричество горитъ!
 Поливка улицъ! Магазины!
 Дома большіе все кругомъ!
 И дамы, дѣти и мужчины,
 Гуляютъ въ платьѣ дорогомъ!
 А чуть настанутъ дни сухіе,
 Какъ дворникъ ужъ бѣжитъ съ
 И поливаетъ мостовыя [кишкой
 Своей привычною рукой.
 Иди-жь къ намъ въ городъ!
 Неужели
 Тебѣ такъ нравится твой край,
 Что ты березы, дубъ и ели
 Не промѣняешь на трамвай?

Деревенскій мальчикъ.

— Да, я люблю свои березы,
 Свои лѣса, свои луга,
 И ночи лѣтнія, и грозы,
 И зиму съ стужей, и снѣга.
 Люблю я мирныя картины
 Своихъ полей, своихъ лѣсовъ,
 Люблю мычаніе скотины
 И звуки птичьихъ голосовъ.
 Люблю я рѣчки серебристой
 Хрустально-нѣжный разговоръ
 И травки бархатной, душистой
 Съ цвѣтами скромненькій коверъ.
 Итакъ, живи съ своимъ трамваемъ,
 По мостовымъ своимъ гуляй,
 Считаю ты пыльный городъ раемъ,
 А для меня—деревня рай!

Ирисъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

Разсказъ моей прабабушки.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Я не знаю, написала-ли дѣй- ствительно г-жа Джексонъ нашему папѣ, но только прошла недѣля, а онъ не являлся. Въ эту недѣлю Эмэ была грустна, часто удалялась отъ всѣхъ насъ въ дальніе уголки нашего сада и возвращалась съ заплаканными глазами. Было видно, что она страдала.

— Ну, если ты не хочешь сказать мнѣ, что у тебя на душѣ, не разъ обращалась я къ ней,—то

скажи хоть по крайней мѣрѣ, что ты узнала о моемъ серебряномъ кубкѣ? Вѣдь въ прошлый разъ, когда ты возвратилась откуда-то, ты заявила, что кое-что о немъ узнала. Что-же именно?

Она или вовсе не отвѣчала, или же отдѣлывалась однимъ только словомъ:—Послѣ узнаешь!

И только одинъ разъ она бросилась ко мнѣ на шею и горячо воскликнула:

— О, Соня, какъ я боюсь за твой

кубокъ! Какъ-бы я хотѣла, чтобы онъ тамъ былъ цѣлъ!

Это меня смутило. Развѣ кто-нибудь собирался мой кубокъ украсть? Развѣ ему грозила какая-нибудь опасность?

Но Эмѣ больше не отвѣтила ни слова.

Все время Эмѣ была безпокойна, поглядывала черезъ окошко въ садъ и была невнимательна. Это не ускользнуло отъ моихъ глазъ, но я и вида не подавала, что замѣчаю. Подъ конецъ она все-таки не овладѣла собой и скрылась опять. Это произвело въ пансіонѣ цѣлый скандалъ. Передъ урокомъ г-жа Джексонъ сдѣлала всѣмъ намъ перекличку и когда долшло дѣло до Эмѣ и на вызовъ начальницы, она не откликнулась, то и для меня, и для г-жи Джексонъ было ясно, что ея въ классѣ не было. Начальница вспыхнула, но продолжала свое дѣло. Я думала, что она тотчасъ-же пошлетъ меня разыскивать Эмѣ, но она этого не сдѣлала. Урокъ продолжался, но отъ волненія я уже не помнила ничего: ни какъ онъ кончился, ни что на немъ говорилось, ни кого спрашивала г-жа Джексонъ. Все у меня въ головѣ перецуталось. Я помню только, что когда всѣ вышли въ садъ, то я осталась въ классѣ одна, и не плакала, а только глядѣла въ одну точку не мигая.

Какъ вдругъ кто-то тронулъ меня за плечо. Я вздрогнула и

обернулась. Передо мной стояла Эмѣ.

— Ты должна идти со мной! сказала она.

— Куда? спросила я.

— Туда. Мы обѣ должны исполнить нашъ долгъ. Но обѣ этомъ не долженъ знать никто. Понимаешь? Даже г-жа Джексонъ.

— Даже г-жа Джексонъ? повторила я — Въ такомъ случаѣ я никуда не пойду!

— Но ты помнишь, что написано у тебя на серебряномъ кубкѣ? Тамъ написано: „Свято исполняй свой долгъ“. Это—девизъ нашей семьи. Этого правила всегда держался весь нашъ родъ!

Я не поняла послѣдней ея фразы и хотѣла ее переспросить, но въ эту самую минуту въ классъ вошла сама г-жа Джексонъ. На ней не было лица.

— Эмѣ Смитъ! строго обратилась она къ Эмѣ.— Съ нынѣшняго дня я васъ изъ своего пансіона увольняю. Вы уже не считаетесь больше моей ученицей! Во-первыхъ, вы нарушили своимъ поведеніемъ правила моего учебнаго заведенія; во-вторыхъ, вы сдѣлали это не нечаянно, а умышленно, и продолжаете это дѣлать; въ-третьихъ, вы не говорите, гдѣ вы были. Этого довольно. Я больше не считаю васъ своей ученицей и лишаю васъ своего довѣрія. Сейчасъ я послала письмо къ г-ну Хартрею, въ которомъ прошу его пріѣхать за вами немедленно и взять васъ

отсюда обратно. Но пока онъ еще не пріѣхалъ, вы будете пользоваться моимъ гостепріимствомъ— и больше ничѣмъ.

Г-жа Джексонъ круто повернулась и вышла изъ классной. Я, какъ сидѣла, такъ и застыла на мѣстѣ. Эмѣ была блѣдна, но не потеряла присутствія духа.

— Будь, что будетъ, прошептала она. — А я должна исполнить свой долгъ до конца!

И крѣпко поцѣловавъ меня въ лобъ, она тоже выбѣжала изъ класса.

Я осталась одна.

Посидѣвъ немного и придя въ себя, я отправилась къ Эмѣ. Она была въ спальнѣ и лежала на кровати, лицомъ въ подушку. Она плакала. Напрасно я старалась ее утѣшить, напрасно увѣряла ее, что если дѣйствительно уволятъ ее изъ пансіона, то вмѣстѣ съ ней уйду и я,—не помогло ничто: Эмѣ все время продолжала плакать. Затѣмъ она успокоилась и мнѣ показалось, что она заснула. Я вышла на цыпочкахъ изъ спальнѣ и сѣла въ сосѣдней комнатѣ на подоконникъ. Окошко было открыто. Какъ вдругъ изъ нижняго этажа вышла наша пансіонская кухарка, и поднявъ кверху голову, сказала:

— Барышня, тамъ внизу васъ спрашиваетъ какой-то человѣкъ!

Я вздрогнула отъ удивленія.

— Меня? Человѣкъ? спросила я.— Неужели уже пріѣхалъ папа?

— Нѣтъ, барышня, это не вашъ папа, продолжала кухарка.— Сой-

дите пожалуйста внизъ и поговорите съ нимъ, а то мнѣ некогда. Кажется, это насчетъ барышни Эмѣ Смитъ!

Кухарка ушла, а я еще стояла нѣкоторое время въ нерѣшительности посреди комнаты, и затѣмъ вышла внизъ.

Въ пріемной у окна, заложивъ руки въ карманы, спиной ко мнѣ, стоялъ какой-то человѣкъ. Всѣ дѣвочки и г-жа Джексонъ въ это время были на огородѣ и поливали овощи и въ пансіонѣ оставались только мы двое: я и Эмѣ. Вотъ почему этотъ человѣкъ такъ свободно и вошелъ въ пріемную. Хотя онъ и стоялъ ко мнѣ спиной, но я сразу же узнала его.

— Джимъ! воскликнула я.

Онъ обернулся. Боже мой, какъ онъ за это время измѣнился! Какъ онъ похудѣлъ, какими печальными стали его глаза!

— Здравствуй, Сонечка! отвѣтилъ онъ и при этомъ такимъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ, какого я еще никогда отъ него не слыхала.— Какъ ты выросла и какая ты стала красивая!.. Ну, какъ живешь? Какъ твое здоровье? Можно тебя поцѣловать?

— Такъ ты, значитъ, здѣсь, въ Лондонѣ? заговорила я, цѣлуя его.— Но какъ ты измѣнился, бѣдный Джимъ! Точно ты тяжело хворалъ! Почему ты такъ долго не писалъ намъ, не отзывался на папины объявленія?.. Мы всѣ были такъ опечалены по поводу твоего исчезновенія!

Джимъ виновато опустилъ голову.

— Ахъ, Соня!.. вздохнулъ онъ.— Не спрашивай меня ни о чемъ! Эти два года, которые я провелъ внѣ вашей семьи, сидятъ у меня вотъ здѣсь!..

И онъ показаль себѣ на затылокъ.

— Но гдѣ-же ты все это время жилъ? спросила я.

— Давай сядемъ... отвѣтилъ онъ. Мы оба сѣли на подоконникъ.

— Ты спрашиваешь меня, гдѣ я жилъ? продолжалъ Джимъ.— Здѣсь, въ Лондонѣ! Всѣ эти два года я прожилъ въ Лондонѣ. И если-бы ты знала, сестра, какъ я все это время страдалъ и чего только здѣсь не перенесъ! Мой отвратительный характеръ перессорилъ меня со всѣми вами и съ твоимъ благороднымъ отцомъ. Я всегда по глупости своей мечталъ о столицѣ, относился свысока къ деревенской жизни и ко всѣмъ вамъ, а какъ бросилъ васъ и бѣжалъ сюда, то тутъ только понялъ, что такое и семья, и ласки родныхъ, и насиженный уголь въ деревнѣ. Ахъ, Соня, Соня, лучше всего и не вспоминать!

— Нѣтъ говори, говори, Джимъ! воскликнула я.—Я хочу тебя слушать!

Онъ провелъ рукой по глазамъ. Я опустила голову и тутъ только замѣтила, въ какомъ поношенномъ костюмѣ и въ какихъ нищенски-рваныхъ башмакахъ былъ Джимъ.

Даже его шляпа котелкомъ была прорвана посрединѣ и, повидимому, его пиджакъ былъ надѣтъ прямо на голое тѣло.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я убѣжалъ отъ васъ, продолжалъ Джимъ,—я былъ и простымъ рабочимъ, и дворникомъ, и грузчикомъ на пристани и даже... нищимъ. Да, да, Соня, я былъ даже нищимъ! Я ходилъ съ протянутой рукой по улицамъ и просилъ милостыню!

Я такъ и обомлѣла отъ волненія.

— Бѣдный Джимъ! воскликнула я.—Но почему же ты не возвратился обратно къ папѣ, на нашъ милый хуторъ? Вѣдь тамъ ты былъ всегда своимъ!

— Я былъ глупъ, Соня, и убѣжалъ тогда отъ васъ.—Но я дорого заплатилъ за этотъ свой побѣгъ. Я искупилъ его тѣми страданіями, которыя перенесъ за эти два года. Но мысль о томъ, что твой отецъ можетъ меня не принять, безпокоила меня и я боялся все это время не только возвращаться къ вамъ, но даже и писать вашему отцу. Ахъ, Соня, если-бы ты только знала, что я перенесъ! По цѣлымъ недѣлямъ я ходилъ голодный, цѣлыя ночи я проводилъ прямо на мостовой. Я ночевалъ въ ночлежныхъ домахъ, въ воровскихъ притонахъ и прямо подъ мостами, только потому, что у меня не было пяточка, чтобы заплатить за ночлегъ. Это образумило-меня. Я понялъ всю глу-

Выздоровленіе.

Пора заводить часы.

постъ своего поведенія и только здѣсь научился цѣнить, что такое тихая семейная жизнь и ласки родныхъ. Какъ я завидовалъ твоему брату Вольфу, что онъ дома и что могъ жить такъ, какъ живетъ! Я сталъ жалокъ, никому ненуженъ и дошелъ до такого позора, что ходилъ съ протянутой рукой.. Я не задерживаю тебя?

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Продолжай! отвѣтила я быстро, едва удерживаясь отъ слезъ.

— Съ мѣсяць тому назадъ, снова началъ Джимъ, — испытывая непреодолимые мученія голода, я въ первый разъ рѣшился просить милостыню. Мнѣ оставалось или залѣзть кому-нибудь въ карманъ, или-же попросить подаенія, — и я рѣшился на послѣднее. И вотъ, проходя однажды по какой-то улицѣ, я увидѣлъ какого-то благороднаго господина, одѣтаго чисто, но въ очень поношенный костюмъ. Лицо у него было печально, онъ шелъ, опустивъ голову внизъ. „Навѣрное, онъ не откажетъ мнѣ и подастъ!“ подумалъ я. — „У него такое доброе лицо!“ И подойдя къ нему, я протянулъ къ нему руку и попросилъ:

— „Подайте, сударь, Христа ради!..“

Онъ поднялъ голову и грустно улыбнулся.

— „Простите, милый мой, кротко отвѣтилъ онъ, — я ничего не могу вамъ подать. Я такой-же нищій,

какъ и вы. Вотъ уже два дня, какъ я ничего не ѣлъ!..“

Мнѣ стало стыдно и я пошелъ съ нимъ рядомъ.

— „Но я вижу, что вы почти босикомъ, продолжалъ господинъ. — Пойдемте ко мнѣ, и я дамъ вамъ мои старые штиблеты!“

Я отправился къ нему и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ его лачужку. Онъ досталъ изъ подъ кровати вотъ эту самую пару штиблетъ и подаль ее мнѣ. Съ тѣхъ поръ я сталъ ходить къ нему каждый день. Все, что я выпрашивалъ на улицахъ съ протянутой рукой, я тратилъ только на хлѣбъ. Половину этого хлѣба я отдавалъ этому господину, а другую половину съѣдалъ самъ. Ахъ, Соня, ты не знаешь, что такое голодъ, и не дай Богъ тебѣ его узнать! Съ тѣхъ поръ мы подружились съ этимъ господиномъ. Я узналъ отъ него, что фамилія его — Смитъ, но что это не настоящая его фамилія, такъ какъ по какимъ-то соображеніямъ онъ долженъ скрываться и не называть себя своимъ настоящимъ именемъ.

„Однажды, совершенно даже и не подозрѣвая, что вы здѣсь, въ этомъ пансіонѣ, я подошелъ къ вашей калиткѣ, чтобы попросить милостыню. Какая-то дѣвочка отдѣлилась отъ другихъ воспитанницъ и подбѣжала къ ней. Я протянулъ руку сквозь прутья калитки и сказалъ:

— „Подайте, Христа ради, барышня!..“

„Она подошла еще ближе и вдругъ узнала меня и вскрикнула — „Джимъ“!“

„Это была Эмэ.“

„Съ тѣхъ поръ она каждый день стала выходить ко мнѣ на троттуаръ и убѣждать меня, чтобы я помирился съ вашимъ отцомъ и возвратился обратно на хуторъ. Ея ласка согрѣвала меня, мое сердце растаивало отъ ея словъ и видѣть ее, слышать ея голосъ — стало для меня уже потребностью. Я не могъ обходиться безъ своей названной сестры и сталъ цѣлыми часами поджидать ее у калитки. То, что я пришелъ сейчасъ къ тебѣ — я обязанъ ей. То, что я возвращусь скоро къ твоему отцу, помирюсь съ нимъ и буду его вѣрнымъ почтительнымъ сыномъ — я тоже обязанъ ей. Она сломила своею лаской во мнѣ гордость, она убѣдила меня смириться и во всемъ покаяться твоему отцу. Но слушай далѣе!“

Я едва удерживалась отъ рыданий. Теперь для меня стало выясняться понемногу, почему время отъ времени стала исчезать изъ пансіона Эмэ. Но почему же она скрывала отъ меня, что видѣлась именно съ Джимомъ?

— Говори, говори далѣе, Джимъ! торопила я. — А то скоро будетъ звонокъ, начнутся уроки, — и мы должны будемъ съ тобой разстаться.

— Двѣ недѣли тому назадъ, продолжалъ Джимъ, — я пришелъ къ господину Смигу и засталъ его совершенно больнымъ. — „Вамъ нужно пройтись!“ сказалъ я ему. — „Пойдемте въ предмѣстье!“ Я взялъ его подъ руку и повелъ его гулять. Мы пошли по вашей улицѣ, на ней вѣдь такъ много зелени! Когда мы проходили мимо вашего пансіона, то я видѣлъ, какъ къ прутьямъ калитки прицѣпилась Эмэ и какъ жадно смотрѣла на насъ. Мой спутникъ тоже посмотрѣлъ и, какъ мнѣ показалось, вздрогнулъ. — „Эта дѣвочка мнѣ кое-кого напоминаетъ“... сказалъ онъ. Затѣмъ мы возвратились домой, къ нему, я простился съ нимъ и ушелъ. Съ того дня господинъ Смитъ слегъ и лежитъ больной и сейчасъ.

— Ну, и что же дальше? спросила я, все еще не понимая, почему Эмэ находила нужнымъ такъ скрытничать. — Что было потомъ?

— Потомъ было вотъ что, сказалъ Джимъ. — Когда я пришелъ послѣ этого повидаться съ Эмэ, то она выбѣжала ко мнѣ, точно сумасшедшая, и на ней не было лица. — „Съ кѣмъ это ты тогда шелъ?“ спросила она и при этомъ такимъ тономъ, что я не смогъ ни соврать ей, ни умолчать, и отвѣтилъ: — Съ однимъ господиномъ; его фамилія — Смитъ; онъ живетъ тамъ, на Второй Невольничьей улицѣ...“ Тогда она все тѣмъ-же тономъ приказала мнѣ: — „Веди меня сейчасъ-же къ нему и не смѣй

никому, ни одной душѣ на свѣтѣ говорить, что ты съ нимъ знакомъ и что я была у него! Обѣщаешь мнѣ это? Я пообѣщала и повелъ ее къ господину Смиуту. Она вошла къ нему въ каморку, заперла за собой дверь и что тамъ у нихъ происходило, я не знаю ровно ничего. Съ тѣхъ поръ я долженъ каждый день являться къ вамъ сюда къ калиткѣ, поджидать Эмѣ и отводить ее къ господину Смиуту. У господина Смиута я стою у двери и дожидаюсь, когда она выйдетъ, и снова провожаю ее сюда. Я ждалъ ее цѣлую недѣлю и она почему-то не приходила. Больной господинъ Смитъ мучался, что ея не было, и всякій разъ посылалъ меня за ней. Сегодня она опять была у него. Сейчасъ г-нъ Смитъ опять послалъ меня за ней,—и вотъ я у тебя. Я радъ, что случай помогъ мнѣ повидаться съ тобой и искренно попросить у тебя прощенія. Если хочешь, то напиши обо мнѣ отцу. Быть можетъ, онъ проститъ меня и разрѣшитъ мнѣ возвратиться домой.

— Онъ разрѣшитъ, разрѣшитъ! воскликнула я.—Онъ жаждетъ тебя видѣть и скорбитъ о тебѣ. Я ему обязательно напишу о тебѣ. Завтра-же напишу! Нѣтъ, сегодня!

Онъ радостно улыбнулся.

— А гдѣ же Нелли? спросилъ онъ.—Я могу ее повидать?

— Нелли въ саду, отвѣтила я.— Я сейчасъ ее позову. Подожди здѣсь!

Но онъ меня остановилъ.

— Когда-нибудь въ другой разъ, сказалъ онъ.— Сейчасъ некогда. Лучше позови ко мнѣ Эмѣ. Скажи ей, что ее ждетъ сейчасъ къ себѣ г-нъ Смитъ. Только поскорѣе!

Но я не рѣшилась звать Эмѣ.

— Нѣтъ, Джимъ, возразила я.— Я не могу этого сдѣлать. Кстати, она сейчасъ и спитъ!.

Онъ повертѣлъ въ рукахъ шляпу.

— Въ такомъ случаѣ—прощай! сказалъ онъ и собрался уходить.

Какъ вдругъ въ пріемную вошла сама г-жа Джексонъ. Увидѣвъ меня съ незнакомымъ господиномъ, да еще въ такомъ бѣдномъ, поношенномъ костюмѣ, она въ удивленіи сдѣлала два шага назадъ. Но я замѣтила ея смущеніе и бросилась къ ней.

— Это мой двоюродный братъ Джимъ! воскликнула я.— Мы росли вмѣстѣ съ нимъ. Не бойтесь, г-жа Джексонъ,—это свой!

Въ эту минуту сюда же вбѣжала и моя сестра Нелли.

— Джимъ! радостно воскликнула она и повисла у него на шеѣ.

Этого было вполне достаточно, чтобы г-жа Джексонъ убѣдилась, что Джимъ дѣйствительно былъ нашъ двоюродный братъ и выросъ вмѣстѣ съ нами. Она подошла къ нему и протянула ему руку.

— Очень рада... сказала она.— Пріѣхали провѣдать кузинъ?

Онъ почтительно поцѣловалъ ей руку и отвѣтилъ ей что-такое, отъ чего она осталась очень довольна.

— А я жду сюда г-на Хартрея, сказала она.—Я написала ему и получила отъ него сегодня отвѣтъ, что онъ прїѣдетъ безъ замедленія.

— Ну, вотъ и отлично! воскликнулъ Джимъ.—Значить, ты, Соня, поговоришь съ нимъ обо мнѣ!

И простившись, онъ вышелъ. Проходя мимо меня, онъ мнѣ шепнулъ:

— Если хочешь узнать, куда ходитъ Эмѣ, то я могу тебя туда провести!

Во мнѣ боролись два противоположныя чувства: я была рада, что скоро увижу папу и что помирю съ нимъ Джима, и въ то же время мнѣ было страшно за Эмѣ и за то, какъ подѣйствуетъ на папу ея исключеніе изъ пансіона. Я не въ силахъ была примирить въ себѣ эти два чувства, разрыдалась и повисла на шеѣ у своей начальницы.

— Что съ тобой? спросила она у меня.—О чемъ ты плачешь?

— О, какъ много я должна вамъ рассказать! воскликнула я.

— Рассказать? Мнѣ? Въ такомъ случаѣ вытри слезки и пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Она взяла меня за руку и повела къ себѣ. У меня многое накопилось на душѣ, уже давно являлась для меня потребность высказаться,—и я рассказала ей все, не скрывъ отъ нея даже и послѣдней фразы Джима.

— Ты говоришь, спросила она,— что того господина зовутъ Смитъ? Вѣдь у Эмѣ—фамилія тоже Смитъ!

Это поразило меня, какъ громомъ.

— Но вѣдь Джимъ сказалъ, что у него фамилія выдуманная!

— А ты увѣрена, что у Эмѣ она настоящая?

Все закружилось у меня въ головѣ. Для моего дѣтскаго мозга эта задача была не подъ силу.

— Но что же дѣлать? Что же дѣлать? простонала я.—Какъ теперь поступить?

Г-жа Джексонъ подумала.

— Надо воспользоваться совѣтомъ твоего двоюроднаго брата, сказала она наконецъ.—Пусть Эмѣ не догадывается, что мнѣ извѣстно все. Завтра навѣрное Джимъ зайдетъ за Эмѣ и поведетъ ее къ Смиту. Ты тоже должна идти вмѣстѣ съ ними. Но ты должна идти такъ, чтобы Эмѣ не знала, что ты слѣдишь за ней.

Я покраснѣла и хотѣла возразить.

— Понимаешь, продолжала г-жа Джексонъ,— это твой долгъ! Ты должна знать все о твоей сестрѣ и, если понадобится, то удержать ее и помочь ей!

— Это мой долгъ? спросила я.

— Да, долгъ, рѣшительно отвѣтила она.

Я вспомнила надпись на серебряномъ кубкѣ и твердо отвѣтила:

— Хорошо, г-жа Джексонъ,—я пойду!

По „The silver flagon“ изъ „Chatterbox“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОЖДЛИВАЯ ПОРА.

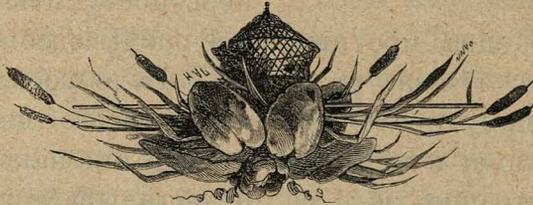
Идутъ дожди... Кругомъ уныло...
Въ окошко хоть и не гляди...
Ужъ нѣтъ того тепла, что было,
И какъ-то грустно впереди.

—
Въ саду затоплены дорожки,
Вода озерами стоитъ...
Хоть солнце выглядываетъ немножко,
Но вѣтеръ снова тучи мчитъ.

Проходятъ дни, проходятъ ночи,
А дождикъ льетъ, какъ изъ ведра,
И ждать конца его нѣтъ мочи,
Насъ тянетъ въ садъ, намъ въ лѣсъ
[пора!

—
Но съ неба льютъ и льютъ потоки,
Затихъ и птичекъ нѣжный хоръ
И только пестрыя сороки
Летаютъ съ крикомъ черезъ дворъ.

Кузнечикъ.

ВЪ ЛѢСНОМЪ ЦАРСТВѢ.

СКАЗКА.

Мы жили въ усадьбѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ большимъ стариннымъ паркомъ, такимъ большимъ и старымъ, какого теперь уже не уцѣлѣло. Паркъ этотъ тянулся позади обширнаго каменнаго бѣлаго дома съ колоннами, который выходилъ на широкую судоходную рѣку. Въ этомъ домѣ я родилась и провела все свое дѣтство и всю молодость до замужества. Я всегда была послушна и умна не по лѣтамъ и потому меня всегда пускали гулять одну. Это составляло для меня большое удовольствіе. Паркъ, какъ я сказала, былъ громадный

и мнѣ казалось, что я знала въ немъ каждый уголокъ. Я любила бѣгать по его безконечнымъ липовымъ аллеямъ, валяться по бархатной травѣ, слѣдить за бабочками и рвать цвѣты. Мы жили довольно богато, у меня была очень хорошая няня, но она въ послѣднее время была занята съ моимъ маленькимъ братишкой Тосей—и, пока мнѣ не наняли еще гувернантку, я была предоставлена самой себѣ.

Однажды я бѣгала такъ долго и забѣжала такъ далеко отъ дома, что заблудилась. Вокругъ меня тянулись, уходили вдаль и перекре-

щивались липовыя аллеи и все вдругъ стало для меня незнакомо. Я остановилась, оглядѣлась, поняла, что заблудилась, и побѣжала обратно домой. Но чѣмъ больше я бѣжала, тѣмъ все болѣе и болѣе теряла дорогу домой. Заходило солнце, распѣвали птицы и слышно было, какъ далеко-далеко за паркомъ мычаль возвращавшійся съ поля скотъ. Я крикнула, но мнѣ не отвѣтилъ никто. Тогда я испугалась еще больше, бросилась на траву и стала плакать.

— Мама! Мамочка! Мама!—кричала я.

Долго я плакала, затѣмъ успокоилась. Какая-то истомѣ овладѣла вдругъ всѣмъ моимъ тѣломъ, я стала слушать, какъ около меня запѣлъ соловей, и, помню, что мнѣ очень нравилось его пѣніе.

Какъ вдругъ кто-то тихонько тронулъ меня за плечо, потомъ пощекоталь по шеѣ и по щекѣ. Я оглянулась и увидѣла, что это была вѣтка дерева, склонившаяся надо мной и колебавшаяся отъ вѣтерка.

— Дѣвочка, ты чья?—обратилась ко мнѣ вѣтка.—Мы тебя еще ни разу не видѣли здѣсь. О чемъ ты сейчасъ плакала? Не можемъ-ли мы тебѣ помочь?

Меня очень удивило, что вѣтка разговаривала со мной на человѣческомъ языкѣ. Это показалось мнѣ страннымъ.

— Хватайся за меня, я помогу тебѣ встать!—продолжала вѣтка.

Я ухватилась за нее, она потянулась назадъ и потащила за собой и меня, такъ что я легко и свободно встала на ноги.

— Не можемъ-ли мы тебѣ помочь?—повторила она.

— Да, да, заговорили вдругъ вокругъ меня всѣ деревья разомъ,— не можемъ-ли мы тебѣ помочь?

И тотчасъ же всѣ они,—и деревья, и кустарники,—снялись со своихъ мѣстъ и окружили меня со всѣхъ сторонъ.

— Бѣдняжка! вздохнула надо мной плакучая ива.—Она такъ же плакала сейчасъ, какъ и я!

— Зачѣмъ плакать? воскликнули всѣ цвѣты.— Не надо вовсе плакать! Давайте лучше смѣяться! Посмотри, ива, на нашъ смѣющійся дужокъ, какъ тамъ у насъ весело!

Въ эту минуту ко мнѣ подбѣжали кусты желтой акаціи и бузины, схватили меня за руки, отвели меня къ сторонкѣ, усадили на зеленый диванчикъ и распростерли надо мной свои вѣтви.

— Сиди здѣсь!—сказали они мнѣ.— Мы устроимъ надъ тобой бесѣдку! Мы такъ рады, что ты къ намъ наконецъ пришла!

И они еще плотнѣе сплелись надо мною своими вѣтками.

— Не слушай ихъ! Донесся до меня печальный голосъ плакучей ивы.—Очень ужъ они веселы. Въ-сто того, чтобы плакать, какъ я, они постоянно смѣются! Въ особенности бузина. Она то и дѣло улыбается своими красными ягодами!

Гроза.

Т и ш ь .

И плакучая ива глубоко вздохнула.

Въ эту минуту гдѣ-то въ сторонѣ послышался шумъ листвою и всѣ растенія вдругъ сразу смолкли. Я выглянула изъ своей бесѣдки и увидала два ряда пирамидальных тополей, которые ровно, какъ солдаты, и выпрямившись во весь свой ростъ, важно выступали парами одинъ передъ другимъ.

— Это гвардія нашего царя! — шепнула мнѣ плакучая ива. — Сейчасъ, значить, появится и онъ самъ!

Я испугалась, потому что никогда еще въ жизни не видала царей и королей, кромѣ какъ на картинкахъ въ священной исторіи да на картахъ, и думала, что это будетъ очень торжественно и въ то же время страшно.

— А кто вашъ царь? — робко спросила я иву.

— Развѣ ты не знаешь? — отвѣтила она. — Левъ — царь всѣхъ звѣрей, орелъ — царь всѣхъ птицъ, а дубъ — царь всѣхъ деревьевъ. Нашъ царь — могучій Дубъ, послѣдній изъ славной династіи Желудевыхъ. Онъ уже такъ старъ, что ему больше пятисотъ лѣтъ! Къ сожалѣнію, люди срубили всѣхъ его наслѣдниковъ и теперь онъ остался одинъ!

Послышался опять шумъ листьевъ и, окруженный розовыми и жасминными кустами, которые всѣ были въ цвѣту и исполняли обязанности пажей, вдругъ появился

самъ царь деревьевъ — могучій, старый Дубъ. Вокругъ его груди была перевязана лента изъ плюща и съ головы у него спускалась мантия изъ дубовыхъ листьевъ и желудей, которая падала ему на плечи.

— Вотъ нашъ царь! — указала мнѣ на него плакучая ива. — Ты видишь, какъ онъ печаленъ? Это потому, что у него теперь нѣтъ здѣсь наслѣдника. Полтора ста лѣтъ тому назадъ у него здѣсь былъ горячо-любимый братъ, они стояли рядомъ у пруда и смотрѣли на надвигавшуюся грозу. И вдругъ молнія ударила въ его брата. Бѣдняга не выдержалъ, свалился въ воду и утонулъ. Онъ пролежалъ въ водѣ, на днѣ пруда до самаго прошлаго года, когда твой папа приказалъ вдругъ спустить воду и вычистить тину. Несчастнаго нашли тамъ совершенно почернѣвшимъ отъ времени и отъ воды, вытащили его на берегъ и оставили сушиться на солнцѣ. Когда онъ высохъ, то твой папа приказалъ распилить его на доски и сдѣлать изъ него шкафъ, стулья и столы. Теперь ужъ эту мебель вамъ никогда больше не придется красить, потому что она такъ и останется черною навсегда. Люди называютъ такой пролежавшій въ водѣ дубъ „чернымъ деревомъ“.

„Откуда она все это знаетъ?“ — подумала я. — „У насъ, дѣйствительно, папа сдѣлалъ для себя весь кабинетъ изъ чернаго дерева! Значить, это изъ брата этого самаго царя деревьевъ?“

И я взглянула на старика. Онъ показался мнѣ дряхлымъ и какимъ-то корявымъ.

„Какой онъ некрасивый...“ — продолжала я думать. — „Вершина сломана, вѣтки растопырены и похожи на руки, протянутыя во всѣ стороны... Онъ даже кажется мнѣ страшнымъ“.

— А то большое дерево,—продолжала плакучая ива,—на которое опирается нашъ царь,—это Букъ, его первый совѣтникъ и министръ. Они часто склоняются своими вершинами другъ къ другу и перешептываются между собой о государственныхъ дѣлахъ. Та дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, съ зеленой кудрявой прической на головѣ—это принцесса Береза, внучка царя. Каждую весну она просыпается раньше насъ всѣхъ и опрыскивается духами, такъ что запахъ отъ нея несется по всему нашему парку. Мы всѣ ее очень любимъ.

— А это кто карликъ въ красноватомъ костюмѣ и съ желтыми цвѣтами? спросила я иву.

— Это—придворный врачъ Ричинусъ. У него въ каждомъ карманчикѣ по зернышку и изъ этихъ зернышекъ онъ дѣлаетъ густое, противное на вкусъ масло, которое очень помогаетъ отъ несваренія желудка. Зовутъ его также—Касторъ. Но Ричинусъ—это по латыни, а Касторъ—по гречески. Онъ очень знаменитый врачъ. Его масло пьютъ во всѣхъ странахъ земного шара!

Я вспомнила, что мнѣ еще такъ недавно, когда у меня болѣлъ животъ, давали прямо съ ложки этого масла, и поморщилась.

— Какой противный этотъ врачъ Касторъ!..—проговорила я.—Передай ему, что я его масла не люблю!..

Но здѣсь намъ пришлось прервать нашъ разговоръ. Великій царь деревьевъ Дубъ, тяжело покряхтывая отъ старости, сталъ размахивать своими корявыми вѣтвями и шумѣть. Глядѣвшія на него изъ травы фіалки испугались и опустили свои головки.

— А ну-ка, походи, дѣвочка, ко мнѣ! вдругъ обратился онъ ко мнѣ мрачнымъ тономъ, въ которомъ однако-же слышалось много ласки.

Я подошла къ нему, онъ привѣтливо потрѣгалъ меня по лицу одной изъ своихъ зеленыхъ вѣтвей, и я рассказала ему, какъ я попала сюда, какъ заблудилась и не могла попасть обратно домой, и попросила его не дѣлать мнѣ ничего неприятнаго.

Онъ склонился къ принцессѣ-Березѣ, которая весело и съ любопытствомъ поглядывала на меня.

— Дорогая моя внучка, обратился онъ къ ней.—Какъ тебѣ нравится эта дѣвочка? Не жалеешь ли ты, я отдамъ тебѣ ее во фрейлины?

Она затрясла своими зелеными кудрями и закачала домикомъ, ко-

торый держала на палкѣ и въ которомъ жили скворцы.

Тогда царь обратился ко мнѣ.

— Хочешь ты быть фрейлиной у принцессы-Березы? спросилъ онъ меня.

Я находила принцессу нѣжной и прекрасной и отъ нея такъ пахло пріятными смолистыми духами! Но я вспомнила, что тогда пришлось-бы навѣки остаться здѣсь, и стала плакать.

— Государь, отвѣтила я, — я еще маленькая дѣвочка и моя мама будетъ беспокоиться, если я навсегда останусь у васъ. Мои куклы изъ Знаменскаго будутъ плакать, если я не буду больше пріѣзжать къ нимъ по воскресеньямъ и съ ними играть. Позволь мнѣ возвратиться домой!

— Ты уже хочешь отъ насъ уходить? вдругъ воскликнула принцесса-Береза и опустила отъ печали вѣтки. — Останься съ нами! Тебѣ будетъ здѣсь весело, я дамъ тебѣ много бабочекъ и жуковъ, которые летаютъ въ моихъ кудряхъ, а когда у меня вырастутъ сережки, то я и тебя увѣшаю ими всю!

— Дорогая принцесса, отвѣтила я. — Я очень васъ люблю и мнѣ нравятся всѣ бабочки и жучки, но позвольте мнѣ возвратиться домой!

Въ это время, не замѣчая меня, къ принцессѣ-Березѣ подбѣжалъ нашъ кучеръ Иванъ, ввернулъ въ ея бѣлое тѣло буравчикъ

и подставилъ къ образовавшейся дырочкѣ кувшинъ. Изъ ранки заструилась коричневаго цвѣта кровь. Бѣдная принцесса пожелтѣла отъ боли и опустила свою листву.

— Что онъ дѣлаетъ? спросила я въ испугѣ.

— Это онъ беретъ изъ нашей принцессы ея кровь, объяснила мнѣ плакучая ива. — Этой кровью онъ подмазываетъ колеса въ вашей телѣгѣ и водовозкѣ. Люди называютъ ее почему-то „деготь“.

Я испугалась за принцессу и обратилась къ царю.

— Позвольте мнѣ побѣжать сейчасъ домой, сказала я. — Я пожалуюсь мамѣ, что нашъ кучеръ Иванъ портитъ деревья и беретъ изъ нихъ кровь!

Царь склонился головою къ своему совѣтнику Буку и оба они пошутукались.

— Какъ ты объ этомъ думаешь, Букъ? спросилъ его Дубъ.

— Что-жъ, это можно! отвѣтилъ Букъ.

— А какого мнѣнія объ этомъ ты, мой милый докторъ Касторъ?

— Я полагаю, отвѣтилъ Ричи-нусъ, — что прежде всего эта дѣвочка должна мнѣ показать свой языкъ. Если онъ не розовый, а сѣрый, то это значитъ, что у нея не въ порядкѣ желудокъ и она должна принять полную столовую ложку моего масла... Послѣ этого она можетъ бѣжать къ себѣ домой и поскорѣе ложиться въ постельку...

— Ты всегда непріятель, Кас-

торь! проворчалъ на него Дубь. Что-бы ни случилось съ ребенкомъ,—ты всегда лѣзешь со своимъ масломъ!

Когда я услышала слова Рицинуса, то неприятный холодокъ пробѣжалъ у меня вдоль спины.

— Не бойся, дитя мое, ободрилъ меня Дубь.—Деревья и растенія— не злыя. Вернись къ своимъ родителямъ и скажи имъ, что мы всю весну и все начало лѣта были всѣ очень заняты: приготавливали для людей въ этомъ паркѣ тѣны и ткали зеленый бархатный коверъ, весь усыпанный душистыми цвѣтами, по которому они будутъ ступать прямо ногами. Въ нашихъ кудряхъ мы развели для нихъ птицъ, чтобы онѣ услаждали ихъ, своими голосами. Но спроси ихъ, милая дѣвочка, зачѣмъ они, эти люди, такъ несправедливо относятся къ намъ? Зачѣмъ они отламываютъ отъ насъ наши вѣтки, лишаютъ ихъ цвѣтовъ и скашиваютъ вмѣстѣ съ травой наши побѣги, этихъ маленькихъ нашихъ дѣтей? Они рубятъ насъ топорами, вырубаютъ насъ и жгутъ — и съ каждымъ годомъ насъ становится все меньше и меньше. Передай имъ, что мы такъ-же умѣемъ чувствовать, какъ и они, что намъ такъ же больно, какъ и животнымъ, потому что мы тоже рождаемся и растемъ. Спроси ихъ, зачѣмъ они топчутся по травѣ, которая такъ прекрасна и, когда отцвѣтаетъ, то кормитъ собою ихъ

коровъ и лошадей? Настанетъ день, когда срубивъ всѣ деревья, люди распилятъ и мое бѣдное тѣло на доски, и изъ этого роскошнаго парка не останется ничего, кромѣ уродливыхъ пней. Люди не узнаютъ больше, что такое красота на землѣ, потому что тогда уже не будетъ ни лѣсовъ, ни лужаекъ, ни бархатныхъ ковровъ зелени, ни садовъ, ни розъ. Тогда на что будутъ глядѣть люди, чѣмъ они будутъ услаждать свои взоры, гдѣ они будутъ беззаботно гулять? Откуда дѣвушки возьмутъ себѣ цвѣтовъ? Гдѣ будутъ играть дѣти? Тогда повсюду будутъ одни только сыпучіе пески, пески — и больше ничего!..

И старый царь закачалъ своей головой и испустилъ тяжкій вздохъ. Тогда я услышала странный звукъ позади себя. Это рыдала плакучая ива.

— Запомни же мои слова, снова обратился ко мнѣ Дубь.—А теперь иди и расскажи людямъ все!

— Я не могу этого сдѣлать, отвѣтила я. — Я маленькая и никто меня не послушаетъ. Къ тому же я потеряла дорогу и не знаю, какъ теперь идти домой?

— Это ничего, продолжалъ Дубь.—Закрой свои глазки и ты тотчасъ же окажешься дома.

Я закрыла глаза и потомъ снова открыла ихъ. Деревья скрылись. Вмѣсто царя Дуба передо мной высшался большой черный шкафъ, сдѣланный изъ его брата. Вмѣсто

фіалокъ, розъ и другихъ цвѣтовъ передо мной пестрѣли цвѣточки, нарисованные на обояхъ. Я лежала на моей кроваткѣ у себя въ дѣтской. Было утро. Вошла въ дѣтскую мама, опустила передо мною на колѣни и стала меня ласкать...

— А ты зачѣмъ-же такъ далеко вчера вечеромъ зашла? спросила она меня. — Мы хватились тебя, искали тебя во всѣхъ углахъ и наконецъ нашли въ самомъ концѣ парка у стараго дуба. Ты лежала на травѣ около березки, плакучей ивы и ричинуса и крѣпко спала...

— Такъ это былъ сонъ? спросила я маму.

— Какой сонъ? въ свою очередь спросила она меня.

Я рассказала ей все, что мнѣ велѣлъ передать людямъ старый дубъ. Мама глубоко вздохнула и сказала:

— Люди рубятъ деревья и не понимаютъ, какое зло они причиняютъ этимъ своей родинѣ!

Я думала въ это время о деревьяхъ и потому не поняла ее. Тогда она взяла меня изъ постельки на руки и поднесла меня къ окну. Широкий видъ открывался изъ него на большую рѣку и на весь противоположный берегъ, терявшійся на горизонтѣ. Посреди рѣки, не двигаясь съ мѣста и сѣвши дномъ на песчаную косу, стоялъ на мели одинокій пароходъ.

— Ты видишь этотъ пароходъ? указала мнѣ на него мама.— Уже вторые сутки онъ, бѣдный, стоитъ на мели. А когда-то эта рѣка была такъ глубока, что по ней ходили взадъ и впередъ громадныя баржи и двухэтажныя пароходы, дававшіе заработокъ миллионамъ людей. Въ ней водились осетры и громадныя, въ двѣ сажени длиной, бѣлуги, которыми кормилась вся наша родина.

— Куда-же все это дѣвалось? спросила я маму.— Куда дѣвалась изъ этой рѣки вода?

— Она утекла въ море, а новой воды не набѣжало, потому что люди срубили лѣса и земля отъ этого пересохла. Благодаря отсутствію лѣсовъ, земля сама стала нуждаться въ дождѣ и въ рѣки уже вовсе не стало попадать воды.

Я вспомнила предсказаніе царя Дуба и глубоко вздохнула.

— Бѣдный Дубъ! сказала я.— Бѣдняжка Принцесса-Береза!

Мама посмотрѣла на меня и весело засмѣялась.

— Значить, ты дѣйствительно видѣла сонъ? спросила она и снова уложила меня въ постель.

Я ничего не отвѣтила ей, уткнула голову въ подушку и стала плакать.

Мнѣ было жаль нашего парка и большой, когда-то полноводной рѣки...

Гіальмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Почему на колокольню лазить
звонить именно церковный сто-
рожь, а не сторожика?

(Предложилъ И. Машковъ).

II.

Почему пароходъ, когда у него

завертятся колеса, начинаетъ от-
плывать отъ берега?

III.

Солдатъ плохо прицѣлился, не
разсчиталъ разстоянія, и поэтому
его пуля не долетѣла до непріа-
теля. Почему именно она не до-
летѣла?

*Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 16, по-
мѣщенныхъ въ № 16 «Золотого Дѣтства».*

Головоломки: I. ... пла + тина (платина),
се + ребро (серебро), рту-ть (ртуть), ... сталь,
... оло + во (олово), ... зол + ото (золото).
II. Кинематографъ. III. Машина, широта, На-
таля.

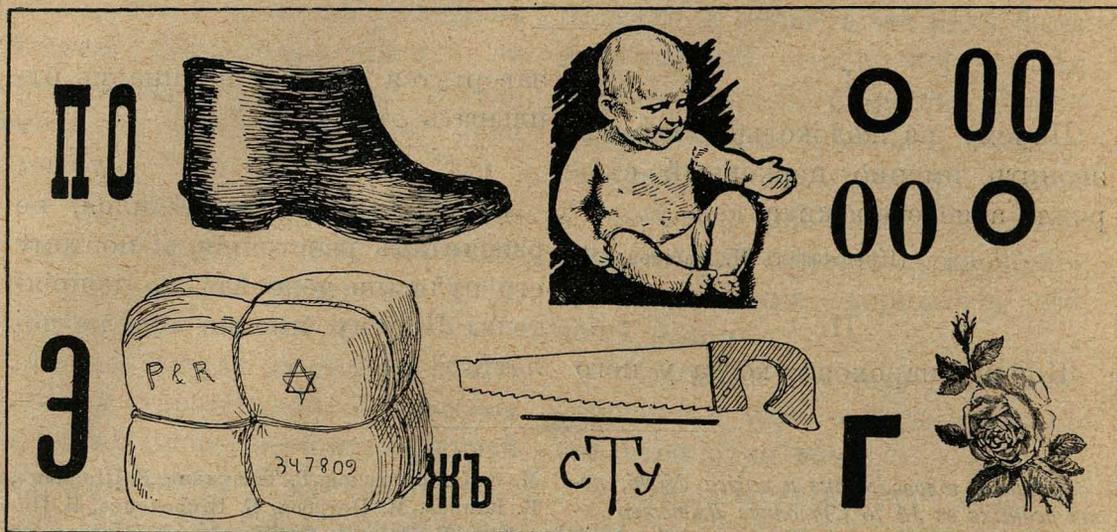
Ребусъ № 16: Ут + ромъ + п + осы + рой +
до + рогъ + ѣ + вой + скотъ + рон + у + лось +
къ + разъ + мы + ты + мъ + дождь + я + ми-
тра + н + шея + мъ = Утромъ по сырой дорогѣ
войско тронулось къ размытымъ дождями тра-
пеемъ.

Вторныя рѣшенія прислали: П. Грущенко,
В. Огарковъ, Л. Серебровская, Ю. и В. Рад-
зиминскіе, Н. Элентухъ, Рая, Лена, Лея и
Толя изъ Починокъ, Н. Шипулина, III. Горь-
ковъ, кто-то безъ подписи на бѣлой клѣтчатой
бумагѣ, Л. Порфирьева, Э. Шмидтъ, Витольдъ
Людкевичъ, О. Зандеръ, М. Гартвигъ, Котъ и
Буль-Буль, М. и О. Гемпель, П. и Т. Гераси-
мовы, Трещетка изъ Алексина, Н. и В. Иваши-
нины, Дѣти Чернышевы, Н. Розенцвейгъ, Дѣти
Смирновы изъ Харбина, В. Кайзерманъ, А. Т.
О и Л. Бетцъ, Л. Маркевичъ, Коля Кудрявцевъ,
О. Машнеръ, Л. Бѣгунъ, К. и Д. Востриковы,

М. и К. Козловскія, Г. Тишина, В. Щепкинъ,
К. Климок, М. Петрова, К. Широченко, Н. Пи-
сарева, К. Климок, Ф. Думпфъ, Н. Краузь. Э.
Свиридова, Куртъ Сосааръ, В. Назаровъ, Шен-
шина, К. Коганъ, С. и М. Гавриловы, Т. Кале-
дина, М. Дунаевскій, Дѣти Смирновы, Т. Мат-
вѣва, М. Курзонъ, Э. Нико, Н. Добробоженко,
Т. и С. Куклины, С. Троицкій, Г. Пантелѣва,
В. Басанько, П. Г. Москольковъ, Л. и Г. Расте-
ряевы, С. Небесновъ, К. Фуасъ, В. Огарковъ,
Е. Матвѣевъ, О. и Т. Казмичевы, III. Барта-
шевъ, Н. К., В. и III. Егоровы, Леликъ-Кро-
ликъ Богущъ, И. Устинова, Э. и Е. Касаевы,
В. Людкевичъ, В. Токаревъ, Э. Федорова,
Р. Едренкина, Б. Кобылинъ, Т. и Л. Тузиковы,
А. Афанасьевъ, О. С. и М. изъ Риги, Н. и Т.
Моньяковы, Н. Синякова, О. и Н. Мясниковы,
М. Глазенацъ, Б. Комольцевъ, Н., М. и О. Сы-
ромяткины, П. и Т. Герасимовы, дѣти Полотеб-
новы, К. Нечипаевскій, Ю. Ковалева, Ю. Ше-
стущка, А. Горбенко, Г. и Ю. Никифоровы,
А. Русисъ, Л. Суворова, Л. и Э. Машковы,
М., В. и М. Афанасовы, Я. Музольфъ, М. Фе-
сечко, А. Бершадская, А. Обуховъ, Т. Чунина,
П. Герасимовъ, Т. Евстратова, Н. Усевичъ-
Смирнова, В., В. и С. Кларисовы, Э. и Л. Бар-
совы, Т. Каледина, И. Машковъ, В. Заксъ,
М. Камкина, В. Огарковъ, В. Гейстардъ.

Ребусъ № 18.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“ • Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ • Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ И ТООМКА“ • Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 к. съ перес. 60 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

О С О Б О Е П Р И Л О Ж Е Н І Е:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

≡ За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками. ≡

ОТЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».

Журналъ «Золотое Дѣтство» ЗА ТЕКУЩІЙ
1915 г. РАЗОШЕЛСЯ ВЕСЬ.

ПОДПИСКА ПРЕКРАЩЕНА до Сентября.

Редакція предлагаетъ журналъ «Золотое Дѣтство» за истекшіе 1914 или 1913 г. со всѣми приложеніями. Цѣна въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 65 к., безъ переплета.— 3 р. За пересылку въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа — 45 коп.

← Петроградъ, Каменноостровский просп., 26. →